

Галина
Колоскова

ПОСЛЕ ИЗМЕНЫ
спаси меня
ГЕНЕРАЛ

Галина Колоскова

После измены. Спаси меня, гнерал

<https://litres.ru/74574942>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Я вас не помню, — говорю честно. — Но это не значит, что буду хуже лечить. Приступаем завтра в восемь утра. Вам нужно отдохнуть.

Он кивает, встаёт. На пороге оборачивается.

— Вера Николаевна, вы когда-нибудь жалели о выборе, который сделали?

Вопрос застаёт врасплох. Смотрю на него, пытаюсь понять, о чём он. О профессии? О браке? О жизни?

— Каждый день, — отвечаю после паузы. — Но это не значит, что выбор был неправильным. Просто жизнь сложнее, чем мы думаем в двадцать лет.

Он кивает, словно услышал то, что хотел.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Галина Колоскова

После измены. Спаси меня, генерал

Глава 1

Я ненавижу запах озона после грозы. Говорят, он очищает воздух. Мне кажется, он пахнет бедой.

Час назад небо над «Сосновым бором» разорвало молнией, и теперь я стою у окна своего кабинета, сжимая в руке телефон. Дима обещал быть на утреннем обходе, но его нет. Вместо него — смс: «Занят. Не жди».

Я не ждала. Я привыкла не ждать.

Двадцать три года брака приучили меня к его занятости. К его операциям, конференциям, внезапным вызовам. Я научилась быть самодостаточной. Научилась не спрашивать, где он был, когда возвращался в два ночи. Научилась молчать.

— Ну и чего ты добилась своим молчанием? — спрашиваю себя, глядя на отражение в стекле.

Отражение молчит. В серых глазах — усталость, в уголках губ — складки, которых не было пять лет назад. Я выгляжу на свои сорок семь? Возможно. Но внутри я чувствую себя

на все сто. На все сто лет одиночества в браке.

Стук в дверь заставляет обернуться.

— Вера Николаевна, к вам пациент. По личному распоряжению из Москвы.

Моя медсестра Леночка мнётся на пороге, теребя край халата. Это всегда означает одно: пациент сложный, важный, с большими погонами или большими деньгами.

— Кто?

— Генерал-лейтенант Зарецкий. Прибыл час назад. Дмитрий Андреевич уже осмотрел его, но просили вас подключить к реабилитации.

Дмитрий Андреевич. Мой муж. Главный врач центра. Человек, который нашёл время осмотреть нового пациента, но не нашёл пяти минут, чтобы предупредить меня об этом.

— Хорошо, идите. Я сейчас подойду.

Леночка уходит. Я смотрю на себя в зеркало, висящее на дверце шкафа. Халат сидит идеально, волосы убраны в строгий пучок, на лице — ни одной лишней эмоции. Я умею это делать. Умею надевать маску спокойствия, когда внутри всё кипит. Умею быть профессионалом, когда хочется кричать. Умею ждать, когда хочется бежать.

Поправляю ворот, беру карту и иду в смотровую.

Он сидит на кушетке, этот генерал. Широкоплечий, седой, с властным лицом человека, привыкшего отдавать приказы. Левая рука на перевязи, на скуле — свежий шрам. Но я смотрю не на это. Я смотрю в его глаза.

Серые. Пронзительные. С каким-то странным, щемящим выражением.

Он смотрит на меня так, будто видит не заведующую отделением, а кого-то другого. Кого-то, кого давно искал. Кого-то, кому должен что-то важное.

— Вера Николаевна, — он встаёт, протягивает здоровую руку. Пожатие крепкое, даже через боль. — Константин Петрович Зарецкий.

— Присаживайтесь. Рассказывайте, что случилось.

Он садится, но глаз не отводит. Чувствую его взгляд кожей. Он тяжёлый, но не пугающий. Скорее... знакомый. Как будто я уже видела эти глаза. Но где? Когда?

— ДТП. Выехал на встречную полосу, уходил от столкновения. Водитель грузовика не справился с управлением, меня выбросило в кювет. Водитель погиб, я отделался переломом ключицы и сотрясением. Но врачи в госпитале говорят: рука может не восстановиться полностью. Слишком сложный перелом, задет нерв.

— Восстановится, — говорю жёстче, чем планировала. — Если будете выполнять все мои предписания.

Он улыбается, и улыбка меняет его лицо. Делает моложе, мягче, человечнее.

— Слушаюсь, товарищ профессор.

Леночка приносит карту, кладёт на стол и тут же исчезает. Листаю документы, делаю пометки, назначаю процедуры. Всё как обычно. Всё как с сотнями пациентов до него.

Но когда поднимаю голову, он всё ещё смотрит на меня.

— Мы раньше встречались? — спрашиваю прямо. Не люблю недомолвок. Не люблю загадок. Не люблю чувствовать себя не в своей тарелке.

Он молчит несколько секунд. Мне кажется, он хочет что-то сказать, но передумывает. Решает, не сейчас. Или не здесь.

— Возможно, — отвечает тихо. — Но, если вы меня не помните, значит, я недостаточно постарался, чтобы запомниться.

Не понимаю, что он имеет в виду. Но почему-то внутри всё переворачивается. Какая-то давняя, забытая струна натягивается, вибрирует, затихает.

— Я вас не помню, — признаюсь честно. — Но это не значит, что буду хуже лечить. Приступаем завтра в восемь утра. Вам нужно отдохнуть.

Он кивает, встаёт. На пороге оборачивается.

— Вера Николаевна, вы когда-нибудь жалели о выборе, который сделали?

Вопрос застаёт врасплох. Смотрю на него, пытаюсь понять, о чём он. О профессии? О браке? О жизни?

— Каждый день, — отвечаю после паузы. — Но это не значит, что выбор был неправильным. Просто жизнь сложнее, чем мы думаем в двадцать лет.

Он кивает, словно услышал то, что хотел.

— До завтра.

Дверь закрывается. Я остаюсь одна в смотровой, смотрю на пустую кушетку, на его карту, на руки, которые вдруг начинают дрожать.

— Что это было?.. — спрашиваю себя.

Ответа нет. Внутри — странное, давно забытое ощущение. Будто я стою на пороге чего-то. Не знаю, хорошего или плохого. Но чувствую: что-то изменится.

Весь день проходит в процедурах, консультациях, разборах сложных случаев. Я работаю на автомате, потому что, если остановлюсь, начну думать. А думать не о чем. Или о многом. Слишком многом.

К вечеру нахожу Диму в его кабинете. Стучу. Он вздрагивает.

— Вера, ты ещё здесь? Я думал, ты уехала.

— У меня был сложный пациент. Зарецкий. Ты его уже осматривал.

— Да, утром. — Он встаёт, подходит к окну, встаёт ко мне спиной. — Тяжёлый случай. Перелом ключицы со смещением, плюс сотрясение. Но думаю, если подключить тебя к реабилитации, всё будет в порядке.

— Лена сказал, что он приехал по личному распоряжению из Москвы. От кого именно?

— Администрация президента. От начальника главного военно-медицинского управления. Такие люди не приезжают без причины.

— Ты знаешь причину?

Дима оборачивается. Смотрит на меня, и я вижу в его глазах что-то, чего не было раньше. Какое-то беспокойство. Или вину?

— Говорят, он сам выбрал наш центр. Лично.

— Почему?

— Не знаю. Может, слышал о тебе.

— Обо мне?..

— Ты лучший реабилитолог в стране, Вера. Это не я говорю, это факт.

Он подходит, хочет обнять, но я делаю шаг назад. Не знаю почему. Просто в последнее время его прикосновения кажутся мне чужими. Словно он гладит не меня, а кого-то другого. Или примеряет, как это будет.

— Вера, что с тобой? — он хмурится. — Ты какая-то странная сегодня.

— Я? Странная? — сдерживаю усмешку. — Дима, я просто устала. Ты же знаешь, что у нас в отделении аврал.

— Может, возьмёшь отпуск? Съездим куда-нибудь. На море.

— На море? — теперь я усмехаюсь открыто. — Ты не был в отпуске три года. И каждый раз, когда я предлагала, находил тысячу причин отказаться.

— Сейчас всё изменится, — говорит он, и в голосе появляется та интонация, которую я знаю слишком хорошо. Интонация человека, говорящего не то, что думает. — Я обещаю.

— Ты обещал это и в прошлом году. И в позапрошлом.

— Вера...

— Ладно, — перебиваю. — У меня ещё есть дела. Ты домой?

— Нет, ещё дежурство.

— Тогда до завтра.

Выхожу в коридор, иду к выходу. За спиной слышу, как закрывается дверь его кабинета. Не сразу. С паузой. Словно он колеблется.

Завожу машину, выезжаю со стоянки. Дома тихо. Сын в Москве, учится на третьем курсе медицинского. Мы с Димой вдвоём, но его почти никогда нет.

Засыпаю под звук дождя. Он начинается внезапно, без грома, без молний. Просто стучит по крыше, по стеклу, по моему сердцу.

Мне снится поле. Выжженная земля, запах гари и крови. Я в военной форме, на руках — чужая кровь. Передо мной лежит человек. Молодой, с серыми глазами, полными боли и благодарности. Я что-то говорю ему, но слов не слышу. Только чувствую: он жив. Он будет жить.

Просыпаюсь в три часа ночи. В доме тихо. Дима не вернулся.

Я не ждала. Я привыкла не ждать.

Но сегодня — не могу. Сегодня внутри всё дрожит. Сегодня я чувствую: что-то закончилось. Что-то, что длилось двадцать три года.

Смотрю на телефон. На экране — фотография сына. Улыбается, обнимает меня. Я помню этот день. Выпускной. Он был такой счастливый. И я была счастлива. Тогда мне казалось, что всё хорошо.

— Дура, — говорю себе. — Какая же ты дура.

Глава 2

Вечером нахожу Диму в его кабинете.

Дверь приоткрыта. Он сидит за столом, но не работает. Смотрит в одну точку на стене. Лицо бледное, под глазами залегли тени. Я редко вижу его таким. Растерянным. Будто он сам не знает, что делает здесь, в этом кабинете, в этой жизни, с этой женщиной, которая стоит под дверью и не решается войти.

— Чего ты ждёшь, Вера? — шепчу себе под нос. — Или уже не ждёшь?

Стучу. Он вздрагивает, будто застала его за чем-то постыдным. Пальцы дрожат — я замечаю это. Он всегда так делает, когда нервничает. Когда врёт.

— У тебя всё в порядке? — спрашиваю с порога. Голос звучит ровно, спокойно. Я умею это делать. Умею надевать маску, когда внутри всё кипит.

— Да, конечно. — Он поднимается, подходит к окну, встаёт ко мне спиной. — Устал. Новый пациент, этот генерал. Требовательный.

— Зарецкий? Я осматривала его вчера. Он показался мне спокойным.

— Спокойным? — Дима оборачивается, криво усмехается. — Ты бы видела, как он разговаривал с моим заместителем. Приказы раздавал. Военные, они такие. Привыкли, что-

бы им подчинялись.

— Может, он просто хочет выздороветь.

— Может. — Дима возвращается к столу, садится. Смотрит на меня, и я вижу в его глазах что-то, чего не было раньше. Какое-то беспокойство. Или вину. Или то и другое вместе. — Ты надолго?

— Зашла спросить, едешь ли ты домой.

— Нет, ещё дежурство. Ты иди, не жди.

Не жди. Он всегда так говорит. Не жди. Я и не жду. Уже много лет.

— Хорошо. Спокойной ночи.

— Вера, — окликает, когда я уже у двери.

Оборачиваюсь.

— Ты... ты ничего не хочешь спросить?

Сердце пропускает удар. Я смотрю на него, на его руки, лежащие на столе. На кольцо, которое он носит не снимая. На обручальное кольцо, которое я подарила ему двадцать три года назад. Оно блестит в свете настольной лампы. Слишком ярко.

— О чём? — спрашиваю.

Он молчит. Потом качает головой.

— Ни о чём. Иди, отдыхай. Завтра трудный день.

Выхожу в коридор. Дверь за мной закрывается не сразу. С паузой. Словно он колеблется. Словно хочет меня окликнуть.

Не окликает.

Иду по длинному коридору реабилитационного центра. Здесь пахнет хлоркой, лекарствами и чем-то ещё — тем неуловимым запахом болезни, который не выветривается даже после самой тщательной уборки. Я привыкла к этому запаху. Как привыкла ко многому. К тишине в доме. К пустой половине кровати. К словам «не жди», которые стали девизом моей жизни.

— Как ты дошла до этого, Вера? — спрашиваю себя, глядя в окно на стоянку.

Ответа нет. Только отражение в стекле — уставшая женщина в белом халате, с сединой в светлых волосах и пустотой в глазах.

На парковке зажигаются фонари, заливая асфальт жёлтым светом. Я вижу знакомый чёрный внедорожник на главврачском месте. Дима не разрешает никому ставить туда машины. Это его территория, его правило, его маленькая власть над миром, который он считает своим.

Рядом с внедорожником — серебристый седан. Дорогая машина, московские номера. Красивая, лакированная, как игрушка. Её здесь раньше не было.

Я останавливаюсь, смотрю на этот седан. Что-то царапает память, но я не могу ухватить. Где-то я уже видела эту машину. Может, в новостях? Может, на парковке у торгового центра? Нет. Не там.

— Перестань, Вера! — Отворачиваюсь, иду к своей машине. — Ты становишься параноиком.

Сажусь за руль, завожу двигатель. В зеркале заднего вида — серебристый седан. Он стоит там, чужой, непрощеный, как напоминание о том, что я не хочу знать.

Дорога до дома занимает пятнадцать минут. Я проезжаю мимо сосен, мимо коттеджей, мимо жизни, которая течёт где-то рядом, но не касается меня. Включаю радио, чтобы заглушить мысли. Диктор говорит о курсе доллара, о новых санкциях, о чём-то важном и далёком. Я не слушаю.

Дома тихо.

Сын в Москве, учится на третьем курсе медицинского. Мы созваниваемся раз в неделю. Он всегда торопится, всегда занят, всегда обещает приехать на выходные. И не приезжает. Я не обижаюсь. Я понимаю. У него своя жизнь. Как когда-то у меня была своя.

Раздеваюсь, прохожу на кухню. На столе — записка. Дима всегда оставляет записки, когда хочет мне что-то сказать, но боится сказать в лицо.

«Забыл сказать, в отделение взяли нового невролога. Очень хороший специалист. Вернулась из Швейцарии. Завтра познакомишься. Д.»

Вернулась из Швейцарии. Я перечитываю эти слова, пытаюсь понять, почему они вызывают во мне такое странное чувство. Не ревность. Нет. Что-то другое. Предчувствие.

Переворачиваю листок.

На обороте — женский почерк. Аккуратный, с наклоном вправо, с завитушками, которые выдают в писавшей женщи-

ну, привыкшую к вниманию. Всего три слова:

«Скучаю. Целую. А.»

Смотрю на эти слова. Внутри разрастается холод. Сосущий, липкий, с запахом озона после грозы.

— Кто это? — спрашиваю себя. — Кто эта А?

Почерк мне не знаком. Я перечитываю ещё раз. Потом ещё. Каждая буква — как укол. Аккуратный, выверенный. Она знала, что я это прочту. Знала и всё равно написала.

— Или не знала? — говорю вслух, и голос звучит чужим. — Или Дима просто забыл убрать записку?

Смеюсь. Смех выходит хриплым, надорванным. Он никогда не забывает убирать улики. Слишком много практики. Слишком много лет.

Записка летит в мусорное ведро. Я стою над ним, смотрю на белый комок бумаги среди кожуры от мандаринов и пустых упаковок. Она там, напоминание о том, что я не хочу знать. Но я уже знаю.

— Нет, — говорю себе. — Ты ничего не знаешь. Это просто записка. Просто совпадение. Просто...

Телефон звонит, заставляя вздрогнуть. На экране — Дима.

— Да, — отвечаю после второго гудка.

— Ты доехала?

— Да.

— Что-то голос не такой.

— Просто устала.

— Вера, — он мнётся, и я слышу это. — Ты записку мою видела?

— Какую?

— На кухне. Я оставил на столе.

— А, эту. Да. Видела.

Молчание. Такое тяжёлое, что кажется, его можно резать ножом.

— Ты перевернула?

— Что?

— Листок. Там... там с обратной стороны...

— Там ничего нет, — говорю спокойно. — Просто чистая бумага.

Он выдыхает. Я слышу это. Выдох облегчения.

— Я перепутал, наверное. Ладно, спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Сбрасываю звонок, смотрю на экран, пока он не гаснет. Внутри — пустота. Не боль. Боль будет потом. Сейчас — только холодная, выверенная пустота.

— Ты соврала ему, Вера, — говорю себе. — Ты впервые соврала мужу.

Потому что поняла: если бы сказала правду, он бы начал оправдываться. А я не хочу слышать оправданий. Не хочу знать, кто эта А. Не хочу знать, почему она скучает и целует его. Не хочу знать, сколько это уже длится.

Я хочу одного: чтобы утро наступило быстрее. Чтобы я могла уйти в работу. Чтобы забыть...

Не забываю.

Всю ночь ворочаюсь, смотрю в потолок, слушаю тишину. Дима не возвращается. Я не жду. Я научилась не ждать.

В четыре утра встаю, иду на кухню, завариваю чай. Достаяю из мусорного ведра смятую записку. Расправляю, смотрю на три слова, которые изменили всё.

— Алиса, — шепчу. — Её зовут Алиса.

Откуда я это знаю? Не знаю. Но уверена. Как уверена была в тот день, двадцать три года назад, когда сказала «да» человеку, обещавшему любить меня вечно.

Он сдержал слово? Сдержал. На время. До тех пор, пока не появилась она.

В записке не было имени. Только буква. Но я знаю. Я всегда знала, что однажды это случится. Что появится женщина, ради которой он забудет обо всех обещаниях. Ради которой перестанет врать хотя бы себе.

— Ну вот, Вера, — я смотрю на своё отражение в тёмном окне. — Ты получила то, чего боялась всю жизнь. И что теперь?

Ответа нет. Только тишина. Только запах озона после грозы. Только три слова на смятой бумаге, которые стали приговором.

Не плачу. Я давно разучилась плакать. Только смотрю в окно, на сосны, на небо, которое светлеет. Наступает новый день. День, в который я должна буду войти в свой кабинет, взять в руки истории болезней, улыбнуться пациентам и сде-

лать вид, что ничего не случилось.

— Ты сможешь, — говорю себе. — Ты всегда могла.

В шесть утра звоню Леночке.

— Доброе утро, Вера Николаевна. Вы рано.

— Лена, скажите, нового невролога зовут Алиса?

Пауза. Короткая, но я слышу в ней всё.

— Да, Алиса Витальевна Коваль. А вы откуда знаете?

— Догадалась.

Сбрасываю звонок. Закрываю глаза.

Алиса Витальевна Коваль. Невролог. Вернулась из Швейцарии. Скучает. Целует.

— Добро пожаловать, — шепчу в пустоту. — Давно мы вас ждали.

Встаю, иду в душ. Вода ледяная, но я не чувствую холода. Я вообще ничего не чувствую. Только пустоту. И где-то глубоко внутри — маленькую, замёрзшую надежду, что я ошибаюсь.

Я не ошибаюсь.

Я никогда не ошибаюсь, когда дело касается его.

Глава 3

Утром я приезжаю на час раньше. Не потому, что не могу спать. Потому что решила: сегодня я узнаю всё.

Парковка ещё пуста, только чёрный внедорожник Димы стоит на его месте. Значит, он здесь, в центре. Ночевал? Или приехал рано, чтобы привести себя в порядок перед моим приходом? Второе вероятнее. Он всегда тщательно готовится к разговорам, которых боится.

— Не бойся, Дима, — говорю себе, выходя из машины.
— Я не устрою скандал. Я просто хочу знать.

Хочу знать, кто она. Хочу знать, как давно. Хочу знать, сколько ещё я смогу притворяться, что ничего не происходит.

Вхожу в центр через служебный вход. В коридорах тихо, только дежурная медсестра перебирает карты у поста. Она удивлённо поднимает голову.

— Вера Николаевна, вы рано.

— Хочу разобрать истории болезней перед обходом.

— Дмитрий Андреевич уже здесь. В ординаторской.

— Спасибо, Лена.

Иду по коридору. Шаги отдаются эхом, и мне кажется, что это стучит моё сердце. Слишком громко, слишком быстро. Останавливаюсь перед дверью в ординаторскую. Она, как всегда приоткрыта.

Дима стоит у зеркала. Он переодевается — свежий, выбритый, в идеально отглаженной рубашке. Пахнет дорогим одеколоном, подаренным мной ему на годовщину. Он носит его только по особым случаям.

Для дежурства слишком нарядный. Для встречи со мной — тем более.

— Кому ты собрался нравиться, Дима? — шепчу. — Или уже нравишься?

Толкаю дверь, захожу. Он вздрагивает, поправляет галстук.

— Вера, ты рано.

— Хотела разобрать истории болезней. — Сажусь на стул, беру папку с документами. Листаю, не глядя. — Кто новый невролог?

Он отводит взгляд. Это длится секунду, но я вижу. Он смотрит в окно, на сосны, на небо, куда угодно, только не на меня.

— Алиса Витальевна Коваль. Вернулась из Швейцарии, блестящий специалист по двигательным нарушениям. Я учился с ней в одном вузе.

— Учился? — поднимаю голову, смотрю на него. — Или был чем-то больше?

Он смеётся. Слишком громко, слишком наигранно. Голос срывается, как у подростка, который пытается скрыть правду.

— Что за глупости? Мы коллеги. Были. Много лет назад.

— Много лет назад — это сколько?

— Вера, — он подходит, хочет взять меня за руку, но я убираю. — Это было до нас. До того, как мы встретились. Какое это имеет значение?

— Никакого. — Встаю, поправляю халат. — Просто интересно.

Он не верит. Я вижу это. Но и не жду, что поверит. Я жду другого. Жду, когда она появится.

Мы выходим в коридор. Дима идёт впереди, я — чуть позади. Смотрю на его спину, на плечи, ставшие шире за эти годы. На седину на висках, которую я заметила первой. На руку, которая держится за дверь, пропуская меня вперёд.

Он всегда был красивым. Всегда знал это. Всегда пользовался этим.

— Вера, — говорит, когда мы останавливаемся у поста. — Ты сегодня какая-то странная.

— Странная?

— Напряжённая.

— Просто устала.

— Ты всегда уставшая.

— Потому что много работаю.

— Может, тебе стоит взять отпуск?

— Зачем?

Он открывает рот, чтобы ответить, но не успевает.

Я слышу её раньше, чем вижу. Цокот каблучков по плитке. Ритмичный, уверенный. Она идёт не спеша, как по подиуму,

как по красной дорожке, как по жизни, которая всегда была к ней благосклонна.

Поворачиваюсь.

Она идёт нам навстречу. Высокая, светловолосая, в идеально сидящем костюме цвета слоновой кости. Туфли на каблуках, которых в нашем отделении быть не должно. Волосы уложены в сложную причёску, макияж безупречен. Она не ходит, она плывёт. Как по подиуму. Как по чужой жизни, в которую входит без стука.

— Дмитрий! — её голос звенит хрусталём. Колокольчик, возвещающий о празднике, на который меня не пригласили. — Как я рада тебя видеть!

Она обнимает его. При мне. При всех, кто есть в коридоре. Обнимает за шею, прижимается щекой к его плечу. И он не отстраняется. Стоит, как вкопанный, и не отстраняется.

Смотрю на его руки. Они висят вдоль тела, но я вижу: пальцы дрожат. Он хочет обнять её в ответ. Хочет, но не решается. Потому что я здесь. Потому что ещё есть что терять.

— Алиса, — говорит он, когда она отпускает его. — Познакомься, это Вера, моя...

— Жена, — заканчиваю за него. — Вера Николаевна Соболева, заведующая реабилитационным отделением.

Она поворачивается ко мне. Улыбка не сходит с её лица. Идеальные белые зубы, идеальный контур губ, идеальная женщина, которая знает, что она идеальна.

— А, Вера Николаевна... — она протягивает руку, и я

пожимаю. Ладонь тёплая, сухая, уверенная. — Дима столько о вас рассказывал. Я так рада наконец познакомиться.

— Взаимно, — отвечаю сухо. — О вас он не рассказывал ничего.

Тишина повисает между нами, как лезвие. Она режет воздух, режет пространство, режет ту тонкую нить, которая ещё держала меня в этом браке.

Дима краснеет. Я редко вижу его красным. Он умеет держать лицо, умеет врать, умеет делать вид, что ничего не происходит. Но сейчас не может. Сейчас она здесь, и все его умения рассыпаются, как карточный домик.

Алиса улыбается всё той же непроницаемой улыбкой. Ни тени смущения, ни капли вины. Она знает, что делает. Знает, что я знаю. И ей всё равно.

— Ну, мы наверстаем, — самонадеянно говорит она, перехватывая инициативу. — Работаем вместе. Уверена, мы подружимся.

— Не сомневаюсь, — отвечаю, глядя на Диму. — Дмитрий Андреевич, у меня обход через десять минут. Вы будете присутствовать?

— Да, конечно.

— Тогда до встречи.

Разворачиваюсь, иду по коридору. Не спеша. Спина прямая, плечи расправлены, голова поднята. Я не дам им увидеть, как дрожат мои руки. Не дам услышать, как бьётся моё сердце. Не дам им ничего!

— Молодец, Вера, — шепчу себе. — Держись. Ты справишься!

Не справляюсь.

Весь день ловлю себя на мысли, что ищу их взглядом. В коридорах, в столовой, на этажах. Я ненавижу себя за это, но не могу остановиться. Каждый раз, когда слышу цокот каблучков, замираю. Каждый раз, когда вижу светлую голову среди белых халатов, сжимаю кулаки.

И каждый раз нахожу.

Они всегда рядом. Она кладёт руку ему на плечо, поправляя халат. Он что-то шепчет ей на ухо, и она смеётся. Они стоят слишком близко, смотрят друг на друга слишком долго, дышат одним воздухом.

— Ты не ревнуешь, — напоминаю себе в который раз. — Ты вспоминаешь.

Вспоминаю, как он смотрел на меня двадцать три года назад. Так же. С тем же выражением. С той же жадностью. С той же надеждой.

Тогда я была для него единственной. Теперь я — помеха.

К вечеру понимаю: я не ревную. Ревность — это когда ты боишься потерять. А я уже потеряла. Давно. Но не хотела себе признаваться.

Теперь признаю.

Сажу в своём кабинете, смотрю на фотографию на столе. Мы с Димой на фоне моря, десять лет назад. Он обнимает меня, я смеюсь. Тогда мы ещё были счастливы. Или мне так

казалось.

— Ты знала, — сжимаю пальцами виски. — Ты всегда знала, что однажды это случится!

Знала. Видела, как он смотрит на других женщин. Как задерживается на конференциях. Как его голос становится мягче, когда он говорит по телефону не со мной.

Я знала. Но делала вид, что не знаю. Потому что боялась. Боялась начать новую жизнь без него. Боялась сказать сыну, и как он это всё воспримет...

— А теперь? — спрашиваю себя. — Теперь ты готова?

Ответа нет. Только тишина и фотография, на которой мы счастливы. Только её голос в коридоре, её смех, её каблуки, отстукивающие ритм новой жизни. Жизни, в которой мне нет места.

Стук в дверь заставляет поднять голову.

— Войдите.

Дима заходит. Останавливается у порога, мнётся. Я смотрю на него и вижу чужого человека. Чужого, но такого знакомого.

— Ты не пошла на обед.

— Не хотелось.

— Вера, — он делает шаг вперёд. — Нам нужно поговорить.

— О чём?

— Ты видела нас сегодня. С Алисой.

— Видела.

— Я хочу, чтобы ты знала...

— Что? — перебиваю, вскинув бровь. — Что вы были вместе много лет назад? Что она вернулась? Что ты всё ещё испытываешь к ней чувства?

Он молчит. Смотрит в пол. Я жду.

— Вера, я не хочу тебя терять.

— Ты уже потерял, Дима. Ты просто не заметил.

Поднимаю голову, смотрю ему в глаза. В них — боль. Или мне только кажется?

— Вера...

— Не надо! — Встаю, подхожу к окну. — Я не буду держать. Если ты хочешь быть с ней — будь. Но не обманывай меня больше. Не заставляй ждать по ночам, зная, что ты не на дежурстве. Не оставляй записок, которые она будет дописывать.

Он вздрагивает.

— Ты знала?

— Я догадывалась. Просто не хотела верить.

— Вера, прости.

— Простить можно. Забыть — нет.

Оборачиваюсь. Он стоит у двери, бледный, растерянный. Я вижу его таким впервые. И знаю: это конец.

— Уходи, Дима.

— Вера...

— Уходи, пока я не сказала чего-то, о чём пожалею.

Он уходит. Дверь закрывается тихо, почти бесшумно. Я

остаюсь одна.

Смотрю в окно на сосны, на небо, которое темнеет. Вдалеке — горы. Зелёные, спокойные. Я хочу быть там. Далеко от всего. От него. От неё. От себя.

— Ты справишься, Вера, — шепчу. — Ты всегда справлялась.

Но сегодня я не верю в собственные слова.

Глава 4

Генерал Зарецкий приходит на процедуры ровно в девять.

Я смотрю на часы, когда Леночка докладывает о его появлении. Минута в минуту. Такая пунктуальность бывает либо у военных, либо у людей, привыкших, что время — ресурс, который нельзя тратить впустую.

— Проводите в третий зал, я сейчас подойду.

Поправляю халат, проверяю, все ли нужные формы на месте. Руки дрожат. Не от волнения перед пациентом. От всего, что накопилось за последние дни. От запаха его одеколона, который остался в ординаторской. От её смеха, который я слышу даже сквозь закрытую дверь. От записки, которую я выучила наизусть, но не могу выбросить из головы.

— Соберись, Вера! — говорю себе, глядя в зеркало. — Ты профессионал. Твои личные проблемы не должны влиять на работу.

В зеркале — женщина с серыми глазами, в которых застыла усталость. Я выгляжу на свои сорок семь? Возможно. Но внутри чувствую себя на все сто. На сто лет одиночества в браке, который рассыпается у меня на глазах.

Выхожу в коридор, иду в третий зал ЛФК.

Зарецкий уже там. Сидит на скамье, левая рука на перевязи, правая лежит на колене. Он смотрит в окно на сосны, и выражение его лица — спокойное, отрешённое. Но когда

дверь открывается, он поворачивается, и я снова вижу тот взгляд. Серые глаза, пронзительные, с каким-то странным, щемящим выражением. Будто он видит не меня, а кого-то другого. Кого-то, кого искал долгие годы.

— Доброе утро, Константин Петрович.

— Доброе утро, Вера Николаевна.

Встаёт. Слишком резко для человека с переломом ключицы. Я делаю шаг вперёд, чтобы поддержать, но он уже выпрямился, стоит ровно, смотрит сверху вниз.

— Вы могли бы подождать, пока я подойду.

— Привычка. На службе не принято ждать, когда к тебе подойдут.

— Здесь вы не на службе. Здесь вы пациент.

— Вам легко говорить. Вы не были военным.

Улыбаюсь краем губ. Он прав. Я не была военным. Но я была военным хирургом. Или он забыл? Впрочем, откуда ему знать. Мы встретились всего несколько дней назад.

— Начнём, — говорю, подходя к тренажёру. — Садитесь.

Он садится. Я проверяю подвижность плеча, осторожно поднимаю руку, слежу за его реакцией. Лицо не морщит, но я вижу, как напрягаются мышцы шеи. Ему больно. Но он терпит.

— Вы всегда так терпеливо переносите боль?

— Привычка.

— Опять военная?

— Опять.

Опускаю его руку, делаю пометки в карте.

— Сегодня начнём с пассивных упражнений. Потом перейдём к активным. Через неделю подключим тренажёры. Если будете выполнять всё, что я назначу, через месяц забудете о переломе.

— А если не буду?

— Тогда рука не восстановится полностью. И вы останетесь инвалидом.

Он смотрит на меня. В глазах — усмешка.

— Вы всегда такая прямая?

— Когда речь идёт о здоровье пациентов — да.

— А когда речь идёт о вас?

Вопрос застаёт врасплох. Я поднимаю голову, встречаю его взгляд.

— Что вы имеете в виду?

— Вы сказали, что приехали сюда двадцать лет назад. С мужем... — Он делает паузу, словно взвешивает слова. — Вы счастливы здесь?

Я замираю. Этот вопрос он уже задавал. Вчера. Или позавчера? Я сбилась со счёта. Дни сливаются в один бесконечный поток боли и напряжения.

— Это медицинский вопрос, Константин Петрович?

— Человеческий.

Он не отводит взгляда. Серые глаза спокойные, тёплые. В них нет любопытства, нет желания залезть в чужую душу. Есть что-то другое. Понимание? Сожаление?

— Я много лет вспоминал одного человека... Всё думал, найду ли когда-нибудь. Спрошу: счастлив ли он? А потом понял, что вопрос глупый. Счастье не измеряется годами. Не измеряется статусом, деньгами, положением. Оно измеряется тем, что у тебя внутри.

— Кто этот человек?

Он молчит. Долго. Так долго, что я успеваю перебрать в памяти всех, кого лечила за последние годы. Пациенты, коллеги, случайные знакомые. Никто не подходит.

— Это неважно, — говорит он наконец. — Важно другое. Я искал его двадцать лет. И когда нашёл, понял: он меня не помнит.

— Это больно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.